

СТРАННЫЙ АРХЕОЛОГ КАСТАНЬЕ

**Звезда Востока (литературно-художественный журнал писателей Узбекистана). – 1996.
– №3. – С. 146-159. ¹**

I

Его знали и во Франции и в Центральной Азии. Скорее – как неудавшегося археолога-краеведа, дилетанта от науки. Академик М.Е. Массон вообще говорил, что он был "полным профаном" во всём, что касалось среднеазиатских древностей...

Тем не менее, фигура Жозефа-Антуана Кастанье, или, как его называли в России, -- Иосифа Антоновича – очень и очень любопытна для всех, интересующихся историей.

Будучи исследователем с разносторонними интересами, что соответствовало духу универсализма и состоянию науки того времени, Ж.-А. Кастанье выступает перед нами как один из организаторов дела охраны памятников в Центральной Азии, представляя собой очень яркую и социально активную фигуру интеллектуальной жизни Туркестана, подтверждением чего могут служить неоднократные положительные отзывы о нём академика В.В. Бартольда.

Весной 1899 г. Кастанье из Франции переезжает в Россию. И хотя весьма соблазнительно предположить, что любовь и интерес к Востоку у уроженца небольшого французского городка Гелак пробудил сам воздух Тулузы, где он учился в лицее, – Тулузы, над которой в течение веков парила тень Монсежюра, а окружающее пространство было густо наполнено легендами о тамплиерах, получивших свои сокровенные знания на Востоке, – первопричина переезда сюда могла быть более заурядной: забота о хлебе насущном.

Избрав Кавказ первым пунктом своего пребывания в России, Ж.-А. Кастанье по назначению попечителя Кавказского учебного округа становится исполняющим работу учителя французского языка в частной протогимназии и в женской гимназии графини Евдокимовой в Пятигорске. А через год, в феврале 1901 г., успешно выдержав испытания в Педагогическом совете Владикавказской гимназии, получает звание учителя по французскому языку.

В том же году он покидает Кавказ и вместе со своей женой Лидией Акимовной и дочерью Марией переезжает в Оренбург преподавать в мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе.

Хранящий память о татаро-монгольском нашествии и о пугачёвском бунте, Оренбург был перекрёстком двух миров, сводя вместе Восток и Запад. К началу XX века город превратился в некие триумфальные ворота, за которыми открывался настоящий экзотический мир. Как перевалочный пункт и пограничный город Оренбург всей своей историей, современным географическим и стратегическим положением был нацелен на Туркестан.

С 1902 г. Кастанье работает в учёной архивной комиссии, созданной в декабре 1887 г. для наведения порядка в архиве канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, о богатстве которого

---

¹ Перевод в текстовый формат и pdf из фотокопий оригинала <<http://svetlana.gorshenina.free.fr/>> для <http://kani-gut.narod.ru/>.

а

писал ещё А.С. Пушкин, собиравший здесь материалы для своей книги о Пугачёве. Архивная комиссия, находившаяся под покровительством его императорского высочества великого князя Георгия Михайловича, попечительством Оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска Я.Ф. Барабаша, представляла из себя действенный научный центр.

Как писалось в отчёте комиссии за 1905 г., "изучая старые, заплесневевшие листы архивных дел, мы там находим отчёты, не для всех одинаковые, на те вопросы, которые предлагает нам современная жизнь, не та русская жизнь, которую изобразил Гоголь в быстро несущейся тройке, а та, которая стоит перед нами и настойчиво вопрошает: "кто вы и что вы?"

Уже с 1904 г., в трудах Оренбургской архивной комиссии начинают появляться заметки Кастанье, который проводит многочисленные рекогносцировочные поездки по всем уездам губернии, а в 1904 году совершает, наконец, и первое своё путешествие в Туркестан.

Не жалея красочных эпитетов, он описывает Туркестанский край, отмечая особое положение Ташкента как военной и административной столицы, где контраст между новым, русским, городом и старым, туземным, наиболее резко бросается в глаза. Отдав дань новому городу с его европейскими особняками, выполненными в стиле модерн, и ультрасовременными магазинами, утопающими в океане зелени садов и парков, Ж.-А. Кастанье между прочим замечает, что не стоило ехать в Центральную Азию, чтобы посмотреть пусть даже и первоклассные, но европейские магазины. После этого он переходит к живому описанию старого Ташкента.

С нескрываемой симпатией и удивлением рассказывает он о домах старого города с крышами из ивы и камыша, покрытыми слоем глины, на которых растёт дёрн, усеянный цветами, об узких, выжженных солнцем улочках, в которых "два верблюда с трудом могут разойтись"; высоких, глухих дувалах, теснящих улицу, и маленьких дверях, позади которых обязательно выстроена другая стена, не дающая возможности заглянуть внутрь двора. "И вдоль этих мрачных стен скользят редкие женщины, - пишет Кастанье, - одетые с ног до головы в халаты, с лицом, скрытым густой, чёрной вуалью, и исчезают как тени".

Центром мира, по впечатлениям Кастанье, является базар, куда отовсюду стекаются загорелые люди, среди которых сарты, киргизы, кипчаки. По ощущениям француза, томление и услада, казалось, были разлиты в воздухе над невообразимым шумом причудливой толпы. Коммерческую деятельность базара Кастанье отказывается описывать, констатируя лишь то, что крики и оживление толпы здесь способны соперничать с шумом любой улицы Монмартра в Париже.

И ещё одну характерную для Ташкента особенность отмечает французский исследователь: "множество могил, могил, разбросанных и затерявшихся среди города, на площадях, во дворах, вдоль улиц, между магазинами. Могилы, которые иногда невозможно различить, так как они сливаются с домами, но над ними чаще всего водружены древки с лоскутком белой материи или неизменным бунчуком". Особенно же интересно, по впечатлениям Кастанье, кладбище Шейхантаур, где находится всеми почитаемая могила блаженного Хазарета Шейхантаура. Над ней возведён мавзолей, украшенный высокими шестами с полумесяцами наверху, на которых

а

привязаны куски белой материи и лошадиные хвосты, указывающие на присутствие святого духа под этим куполом. "Доступ в мавзолей, - пишет Кастанье, - оказался делом нелёгким: только обещания на чай и просьбы проводника умилировали сторожа, который с бесконечными предосторожностями и призываниями Аллаха открыл дверь, запёртую двойным затвором с крепкими замками, предварительно заставив снять обувь". Ожидания Кастанье не оправдались: голые стены, покрытые мхом, истлевающие от действия времени и сырости, и в центре помещения три могилы, одна из которых, покрытая белой тканью, принадлежала почитаемому шейху, да святильник, напоминающий канделябр, стоящий близ неё, - таков был более чем скромный интерьер мавзолея.

Среди прочих архитектурных памятников старого Ташкента Кастанье выделяет мечеть Ходжи Ахрара, прилегающее к ней медресе и буддистский храм, куда его проводник даже не рискнул заглянуть.

Ещё больше поразил Ж.-А. Кастанье Самарканд с его величественными лазоревыми памятниками архитектуры эпохи Тимура и тимуридов, где "купола, фасады, стены, колонны – всё сверкает голубыми и зелёными цветами; повсюду мозаика развёртывает свои рисунки, свои розетки, свои изречения из Корна куфическими буквами, покрытыми эмалью; лазоревые арабески на белом или жёлтом фоне; позолоченные цветы на зелёном фоне, всё отражает величие и славу арабо-персидской архитектуры".

В своих Туркестанских странствиях Жозеф Кастанье побывал ещё в Бухаре, Чарджуе, Байрам-Али, Мерве, Геок-тепе, Красноводске и после возвращения оттуда, вдохновлённый увиденным, без колебаний приступил к проведению самостоятельных археологических раскопок в Актюбинском и Оренбургском уездах. Подобные действия француза – не археолога – не у кого не вызывают ни возражений, ни вопросов, поскольку это было обычным явлением в археологии того времени, когда методика полевых раскопочных работ находилась в зачаточном состоянии, а подготовкой профессиональных специалистов-археологов не занималось ни одно высшее учебное заведение России. Кстати, тогда же председатель Оренбургской учёной архивной комиссии врач А.В. Попов предложил силами членов комиссии, среди которых, понятно, не было ни одного профессионального археолога, брошюру "Спутник археолога" в помощь энтузиастам-краеоведам.

К чести Жозефа Кастанье надо заметить, что свою работу в качестве археолога он предварил тщательным изучением всех предыдущих работ, производившихся в оренбургских степях с 1865 года. Видно, что обладая довольно редким талантом синтезировать знания, полученные его предшественниками, Кастанье всё более склоняется не к проведению самостоятельных раскопок на каком-нибудь, пусть даже самом интересном, но изолированном памятнике, а к анализу и систематизации того материала, что уже имелся в распоряжении российской археологии.

Как своего рода подготовительный материал к составлению археологической карты региона может быть рассмотрена одна из самых крупных работ Ж.-А Кастанье "Древности Киргизской степи и Оренбургского края".

а

Отводя от Кастанье обвинения в компиляторстве, предъявленных ему М.Е. Массоном в отношении этого труда, необходимо отметить, что, во-первых, подобная попытка систематизации уже известного науке историко-археологического материала не имела ранее прецедентов; во-вторых, при описании памятников наряду с перечислением всех доступных ему работ своих предшественников, Кастанье высказывает и свои собственные соображения, привлекая и оценивая как опубликованные материалы, так и рукописи, хранящиеся в Оренбургской учёной архивной комиссии, создавая таким образом историографию становления и развития археологического изучения центральноазиатского региона. И, в третьих, приступая к анализу древностей Оренбургской, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской областей, Букеевской степи и Усть-Урта, учёный предлагает свою типологию различных памятников: могильных курганов, мавзолеев, почитаемых могил, городищ, архитектурных сооружений и т.д.

Впрочем, никогда не расценивая археологию как самодовлеющую и самодостаточную науку об утраченных мёртвых культурах, Ж.-А. Кастанье стремился, однако, выявить с её помощью – не самое ли для себя главное? – отблески древних культов и верований в космогонических и космологических представлениях современных ему азиатских народов. Поэтому во всех его трудах археология и этнография сосуществуют рядом, бок о бок, словно мёртвая и живая вода, которые только вместе способны воскресить мир древней культуры Востока. Такой же метод был блестяще использован Кастанье в его работе "Надгробные сооружения Киргизских степей", изданной параллельно на русском и французском языках.

"Киргизская степь, – писал он, – покрыта бесконечным числом бугров, которым рука человека придала всевозможные формы и под которыми почивает немалая доля истории нашей вселенной... Путешественник, близко знакомый со степью, любит смотреть на эти странные памятники, возвышающиеся там и сям, среди высоких трав, саксауловых роц или песчаных пустынь. То одинокие, то сгруппированные на каком-нибудь холме, возвышаются они, как бы царя над равниной, и вид их не без прелести для этих пустынь, где всё, даже малейшая неровность земли, принимает необыкновенные размеры, иногда даже наводя невольный страх на путешественника". Так начинает Кастанье первую часть своего исследования, но сразу же вслед за этим поэтическим вступлением он делает анализ этимологии слова "курган", указывая, что сами киргизы называют эти сооружения по-разному, в зависимости от формы, цвета и назначения. Сам же Жозеф-Антуан различает погребальные курганы, сторожевые (они же путевые) и памятные, которые в свою очередь тоже различны...

Он предпринимает попытку проследить генезис формирования мусульманского надгробного сооружения, реконструировать традиционный облик мусульманской могилы, наметить – хотя и весьма условно – но всё же некоторую типологию.

"У киргиз похоронные обряды похожи на обряды татар или сартов... однако некоторые детали варьируются у разных племён. Это объясняется тем, что киргизы, как и все тюркские племена, в очень отдалённое время от нас исповедовали шаманство. Впоследствии воспринимая мусульманство, они не вполне могли отказаться от некоторых обрядов, присущих прежней их религии; эти обряды, как отголоски, всё ещё сохранились до наших дней".

а

Другим интересным методологическим принципом, которого Жозеф Кастанье неукоснительно придерживался во всех своих работах, выступает сравнительный анализ. Прибегая к нему, французский исследователь пытался определить место и значение культуры и искусства центральноазиатского региона в общем потоке человеческой цивилизации.

В работе "Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане", толчком к написанию которой послужила одна из интереснейших находок – крупный амулет из чёрного камня ² в виде двух змей, закрученных в кольцо и обращённых друг к другу, Кастанье отмечает предположение, что подобный амулет мог быть лишь "произведением человека, давшего волю своей фантазии". Выстроив широкий обзор культа змеи у различных народов в древности и в современный период на основе рассмотрения мифологического, этнографического и археологического материала, он делает вывод, что культ змеи, будучи пережитком фетишизма и тотемизма, был распространён во всех частях света. Связывая среднеазиатский каменный амулет с тотемическим культом ежегодного празднования заклинания змей, Кастанье высказывает уверенность, что культ змеепочитания существовал и в Туркестане.

Русский писатель Юрий Домбровский – одно время работавший хранителем древностей Алма-Атинского музея, куда попало много вещей из коллекции французского исследователя, - писал о нём с некоторой иронией: "Семиречью (Кастанье был) предан фанатично. Куда он только не совался с ним! В Париж, в Музей человека, где он вручил "великому Мортилье" доклад о каменных бабах; в Тулузу, где он говорил о них же со "знаменитым Картальяком"; в Мадрид, где он в археологическом музее изучал иберийские надгробия. В Берлин, на Корсику, в Тунис, на развалины Карфагена. Все идеи и образы мировой истории, осевшие золотом, мрамором, гранитом и бронзой, этот человек хотел привлечь для того, чтобы они объяснили ему, что же такое каменные бабы его родных степей. Ничего из этого, конечно, не вышло. Карфаген и царство инков только вконец запутывали дело. Тайна так и осталась тайной" ³.

И всё-таки, оценивая научную деятельность Кастанье, необходимо отметить, что он намного вышел за рамки "типичного клада большинства дореволюционных археологов-краеведов, склонных ограничивать свою роль разыскиванием, собиранием и накоплением материалов для науки" ⁴.

II

Франция, несмотря на то, что 28 сентября 1913 г. Кастанье принял российское гражданство, оставалось его родиной, связь с которой он не терял никогда.

Более того, во время своего пребывания и в Оренбурге и в Туркестане Иосиф Антонович, он же Жозеф-Антуан, стремился делать всё от него зависящее, чтобы сблизить Россию с Францией, Париж и Центральную Азию. Он без устали привозил из Франции последние издания научных книг и журналов, реферировал их содержание для своих коллег, знакомил с результатами французских научных экспедиций, рассказывал о новых, порой курьёзных, способах

---

² Найден в кишлаке Сох, Фергана.

³ Ю. Домбровский. "Хранитель древностей". Роман. М., 1991.

⁴ Б. Лунин. "Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане". 1958.

а

популяризации археологических знаний во Франции, и, без сомнения, не упускал ни одного своего визита в Париж, чтобы не рассказать там о "чарующей" культуре здешних мест.

С августа 1905 г. Ж.-А. Кастанье, неоднократно писавший в своих работах о бедственном положении архитектурных памятников, безвозвратно разрушенных временем, природными стихиями и безжалостными действиями людей, приспособляющих их к своим собственным бытовым нуждам, входит в комиссию по "выработке действенных мер к охранению памятников древности". Результатом работы комиссии стали тщательно продуманные "Основные положения об охране древностей". Охрана памятников, – под которыми подразумевались "памятники зодчества, живописи и ваяния; монументы в честь исторических лиц и исторических событий, памятники письма и печати, прикладного искусства, памятники исторической и доисторической жизни племён и народов, населявших пространство Российской империи... и вообще все памятники, замечательные по своей древности, художественному достоинству и историческому и археологическому значению", – объявлялась прерогативой государства, а их научные исследования допускались только с разрешения охранительных органов.

Параллельно Жозеф Кастанье в 1909 г. принимает на себя обязанности хранителя музея, находящегося под попечительством Оренбургской учёной архивной комиссии. Она размещалась на берегу Урала, в небольшом двухэтажном каменном особняке, находящемся в ведении Министерства внутренних дел Российской империи. Верхний этаж дома занял архив; в нижнем же приютилась библиотека, канцелярия и музей, основанный ещё в тридцатые годы XIX века В.И. Далем и насчитывавший к 1910 г. более 3100 единиц хранения.

Удалённость от центра делала музей практически недоступным для публики, скученность неразобранных и несистематизированных экспонатов, отсутствие систематизирующих вещи каталогов – таково было наследство, полученное хранителем музея Иосифом Антоновичем Кастанье. Но воспоминания о ташкентском музее, организованном трудами Н.П. Остроумова, да старания помогавшего ему во всём письмоводителя комиссии М.М. Гельда, помогли Кастанье и привести в порядок пополнившуюся в результате обменов дубликатами нумизматическую коллекцию, и составить каталог монет, медалей, и провести опись палеонтологического отдела...

А чуть позже по инициативе хранителя древностей во дворе комиссии было выстроено деревянное здание, куда снесли лежавшие ранее во дворе пушки, окаменелые деревья, каменные бабы, котлы и другие громоздкие экспонаты. Была также организована строительная комиссия с главной целью – создать в центре города новое здание музея Оренбургского края.

Сам страстный коллекционер, Жозеф Кастанье, между тем, нередко передавал музею и собственные материалы, привезённые из археологических экспедиций или приобретённые в других местах. В 1910 году, например, он подарил музею "Телемака" – книгу на французском языке из личной библиотеки А.С. Пушкина. Он вообще планировал передать всё своё собрание древностей и этнографическую коллекцию Оренбургской учёной архивной комиссии к тому времени, когда построят новое здание, однако этого так и не случилось. Хотя, даже переехав в Ташкент, Кастанье не забывал посылать туда, передавая в дар, многие экспонаты из собственной коллекции.

а

Свидетельством же признания его учёных заслуг на государственном уровне является письменная благодарность министра народного просвещения Российской империи за труд "Древности Киргизской степи и Оренбургского края", а также награждение его орденом Святого Станислава 3-й степени (1908 г.) и Святой Анны 3-й степени (1913 г.), его повышение в государственных чинах: в 1908 г. он получает чин коллежского асессора, в 1909 г. – надворного советника, а ещё через год, в 1910 г., Кастанье за выслугу лет произведён в чин коллежского советника со старшинством, что, согласно принятой ещё при Петре Первом Табели о рангах, соответствовало воинскому званию капитана I ранга во флоте или полковнику в армии и давало право личного дворянства в Российской империи.

По мере изучения истории, культуры и искусства центральноазиатского региона, которым Жозеф Кастанье, не колеблясь, отдал сразу и безоговорочно все свои симпатии, он всё более и более проникался мыслью, что центр тяжести всех древних азиатских цивилизаций лежит в Туркестане, что именно там – эпицентр многих исторических катаклизмов.

III

В июле 1912 г. Иосиф Антонович подаёт прошение инспектору училищ Туркестанского края с просьбой о переводе его в одно из учебных заведений Ташкента, Самарканда или Скобелева, мотивируя это ухудшением состояния здоровья и острым обострением ревматической болезни. А в августе, распоряжением Туркестанского генерал-губернатора, генерала от кавалерии А.В. Самсонова, бывшего по традиции почётным председателем Туркестанского кружка любителей археологии и заинтересованного в привлечении в Туркестан представителей интеллектуальной элиты, интересующейся Востоком, Кастанье переводят на должность преподавателя французского языка и классного наставника в Ташкентское реальное училище.

Давнее стремление осуществилось. Ташкент тотчас принял его в свою интеллектуальную среду: Кастанье становится членом Туркестанского кружка любителей археологии и вступает в члены Туркестанского отдела Императорского русского географического общества.

В Туркестане Кастанье сразу же ощутил иную расстановку интеллектуальных сил по сравнению с Оренбургом. Пальму первенства в Ташкенте, в котором сконцентрировалось большинство востоковедов-профессионалов, проживающих в Центральной Азии, безоговорочно держала ориенталистика, что предопределило большую степень специализированности исследований по сравнению с универсализмом Оренбурга, разрывавшегося между изучением русской и азиатской истории.

Первоначально Жозеф Кастанье, в активе которого было вице-председательство в Оренбургской учёной архивной комиссии, государственное признание его учёных трудов, создание экспозиции оренбургского музея, воспринимался членами ТКЛА как солидный, заслуживающий всяческого уважения исследователь-востоковед.

Л.А. Зимин, например, который единодушно оценивается современными историографами как талантливейший исследователь, не рискуя самостоятельно приступать к археологическим

а

исследованиям Пайкенда и Шахрухии и считая себя "недостаточно опытным в производстве раскопок"⁵, предпочитал начать работу совместно с Ж.Кастанье.

Правда, работы, по совету В.В. Бартольда, высказанному в личном письме Л.А. Зимину, так и не были начаты в первую поездку, из-за опасения "за недостатком времени" испортить памятник; впоследствии они проводились обоими исследователями самостоятельно. Зимин приступил к раскопкам Пайкенда, а Кастанье дал описания развалин Шахрухии.

Важно, что Кастанье ещё в Оренбурге практически отказался от проведения археологических работ, отдавая явное предпочтение составлению археологической карты Центральной Азии. Ибо, в отличие от своего соотечественника и предшественника, члена дипломатической миссии, М. Шафанжона, взрывавшего в 1895 г., ради ускорения земляных работ и в поисках впечатляющих находок, глинобитные стены цитадели Афрасиаба, считал, что время начинать планомерные широкомасштабные археологические раскопки при отсутствии отработанной методики проведения полевых исследований ещё не настало.

К этому соображению в Туркестане добавилось ещё одно. Имея возможность наблюдать за работой местных исследователей, француз мог констатировать более серьёзный, чем в Оренбурге, уровень проведения археологических работ...

Не считая себя вправе делать что-либо хуже того уровня, который здесь утвердился в качестве общепринятого, Кастанье отказывается от проведения собственных раскопок, предоставляя более подготовленным исследователям право их проведения, отдавая им вместе с этим правом и честь первооткрывателей.

Отчёты Кастанье о рекогносцировочных поездках, впрочем, как и многочисленные доклады вызывали жаркие споры на заседаниях Туркестанского кружка любителей археологии. Причина этого, думается, не только в особой эмоциональности, с которой Иосиф Антонович преподносил результаты своих исследований, но, главным образом, в смелости высказываемых докладчиком предположений, порой разительно расходящихся с устоявшимися авторитетными мнениями.

Неоднократно Кастанье вступал в научные споры с В.В. Бартольдом, предлагая, допустим, то иную интерпретацию этимологии слова "Муг", то иначе локализуя древнюю столицу Уструшаны – Кирополис, отождествляя её не с равнинным Шахристаном, а с занимающим более выгодное географическое положение селением Ура-тюбе. При этом он ссылался на записки Бабура, тоже считавшего, что слово "Уструшана" было первоначально названием города Ура-тюбе...

Но дело не ограничивалось одними жаркими дискуссиями, которые зачастую перерастали в прямые нападки со стороны ташкентцев, настороженно относящихся к работе "чужаков". Неоднократно туркестанские исследователи упрекали Кастанье в легковесности выводов и определённой склонности к беллетризированию, в допущении ряда исторических неточностей при изложении материала и не всегда корректных исторических параллелях.

Отчасти Кастанье сам провоцировал подобные нападки, в запальчивости полемического азарта провозглашая весьма двусмысленные принципы исследования: "Чего дожидаются

---

⁵ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год VIII, 1913 г. Вып. II (Протокол №4 от 30. IV. 1913 г.).

а

столичные учёные-археологи, чтобы предпринять раскопки? Или, может, того, чтобы неумолимое время или грубая рука человека уничтожила дотла столько памятников старины? Побольше свободы действия, поменьше требований к местным любителям археологии в смысле научной подготовки, губительной для дела. Время не ждёт".

В контексте подобного заявления логично выглядит рецензия Л.А. Зимина, помещённая в газете "Туркестанские ведомости" за 1914 год, где очень жёстко оценивается выступление Кастанье в связи с поездкой последнего в Наманганский уезд Ферганской области. Так, по мнению рецензента, "автору неизвестны самые элементарные приёмы научного исследования, которые в настоящее время являются обязательными в университетах даже для студентов": отсутствие кавычек при приведении цитаты и указания страниц работы, откуда взята цитата; отсутствие единообразия в именах собственных и приводимых названиях географических объектов; незнание новейшей литературы по ориенталистике; незнание восточных языков и использование устаревших, плохих переводов письменных источников; разнобой в приведении хронологических дат то по мусульманскому, то по христианскому летоисчислению и т.д. Подводя итог всем огрехам "внешне учёного, а внутренне безсодержательного" научного труда, Л.А. Зимин пишет, впрочем, оставляя за рамками критики этнографическую часть труда: "Всё весьма пространное (22 страницы) сообщение о городе Ахсыкенте и его развалинах, к сожалению, не даёт ничего нового, а многое старое, хорошо известное, только затемняет. Как мы видели, историческая часть не даёт никакого представления о действительной истории Ахсыкента, а описание развалин сделано без всякого плана и не идёт дальше описания... Поэтому приходится с грустью констатировать, что две поездки, совершённые на счёт двух научных обществ (ТКЛА и ТОИРГО – С.Г.) для науки ровно ничего не дали, и развалины Ахсыкента, действительно, в высшей степени интересные, по-прежнему остаются необследованными научно" ⁶.

Аргументация Л.А. Зимина была отчасти принята Кастанье, который в ответном письме признаёт себя "простым любителем археологии", которому "могут быть не знакомы многие приёмы людей, специально подготовленных и получивших звание учёных", а потому, продолжает Кастанье, "на звание учёного я не имею ни малейшего права претендовать, ...мне свойственно ошибаться и моё мнение ни в коем случае не может считаться безапелляционным и стеснять свободу учёных археологов" ⁷.

Отсутствие серьёзного востоковедческого образования невыгодно отличало его от многих туркестанских исследователей. Но, будучи неутомимым путешественником, исколесившим вдоль и поперёк весь Туркестан, Кастанье во время своих странствий, совершаемых, к слову сказать, только во время школьных каникул и в праздничные дни, сумел обозначить многие перспективные для дальнейших историко-археологических работ объекты, деятельное внимание к которым было проявлено профессиональными археологами только спустя десятилетия.

Так, занимаясь в мае-июне 1913 г. изучением вопроса о локализации древнего городища Бенакент (Бенакет), входившего в состав городов области Шаш, захиревшего в XIII-XIV вв. и, по-

---

⁶ Туркестанские ведомости, 1914 г., №152.

⁷ Там же, № 163.

а

видимому, восстановленного, но уже на другом, близком к Бенакенту месте под названием Шахрухия (по имени сына Тимура Шахруха)" ⁸, Кастанье, дав за своими предшественниками Е.Т. Смирновым, М.С. Андреевым и муллой Алимом подробное описание городища, не только впервые составляет глазомерный план местности, отождествляя развалины Бенакента с пространством, которое "простирается на северо-запад от местности Шара-Кия или Шахрухия" и соответствует местности Тарат-Хана, о которой ещё в 1876 г. писал полковник Д.К. Зацепин, но и указывает, что развалины городища Канка, представляющего "из себя обширное укрепление с высоким бугром, господствующим на северном углу", представляют в настоящее время в археологическом отношении "большой интерес, чем развалины Шахрухия" ⁹.

И действительно, как показали последующие археологические работы, проводимые ташкентским отрядом Института археологии Академии наук Республики Узбекистана, "именно в Канке находилась столица области Ши, умоминаемая китайскими источниками первых веков до и начала нашей эры", а позже именно здесь располагался один из самых крупных городских центров раннесредневекового Шаша, занимавший общую площадь около 159 гектаров.

Летом 1916 г. в поездке по Бухарским владениям, во время которой его сопровождал политический агент в Бухаре, член ТКЛА и будущий академик М.С. Андреев, французский исследователь, по словам Г.А. Пугаченковой, "осуществил беглый осмотр древностей Каршинского оазиса. Отметив здесь огромное число разного рода "Курганов", он подчеркнул, что среди них следует искать город Навтаку, где в 328 г. зимовал Александр Македонский и через которую бежал Бесс. Это подтвердили исследования Кешской археолого- топографической экспедиции (1965 г.), отождествившие с Навтакой городище Ер-Курган".

Ж. Кастанье были отмечены и другие перспективные для дальнейших историко-археологических и этнографических исследований памятники и поселения: комплекс Абдуллахана, крепость Захар-и-Мирон, развалины Касана, Бузачи, Кала-и-Дабус, селения Нур-Ата и Газган. Тогда же были описаны развалины Ногай-кургана...

Вплоть до своего отъезда из Туркестана французский исследователь входит в наблюдательный комитет при Туркестанской публичной библиотеке и Туркестанском народном музее, определяя во многом, как один из его членов, закупочную политику комитета.

IV

Среди одобрительных отзывов академика В.В. Бартольда, которые мы упоминали, есть слова, например, о том, что "...из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем И.А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке, происхождение каждого предмета точно указано".

---

⁸ Б. Лунин. "Из истории русского востоковедения и археологии..."

⁹ Туркестанские ведомости, 1876 г., №24.

а

И действительно, собрание Жозефа Кастанье было одним из лучших в Туркестане. Приступив к формированию коллекции ещё в Оренбурге, Иосиф Антонович пополнял её многими путями ¹⁰.

Большая часть коллекции была представлена керамическими изделиями XII-XX вв., дающими представление о различных школах художественной керамики Центральной Азии, фрагментами стеклянных сосудов, медной посуды, терракотовыми скульптурками, украшениями из камня, меди и стекла. Помимо археологического Жозеф Кастанье располагал также крупным этнографическим собранием, предметы из которого неоднократно демонстрировались им на заседаниях ТКЛА и ТОИРГО.

Все его коллекции, как, впрочем, и другие крупные туркестанские собрания, были открыты для публики. А сам Кастанье, страстный коллекционер, был не чужд традиций меценатства: неоднократно передавал в дар библиотекам книги и брошюры по истории, археологии и этнографии Центральной Азии, жертвовал некоторые экземпляры коллекций музеям Туркестана и Оренбурга. Что-то, конечно, и продавал... Часть Эрмитажу, часть - и довольно значительную - свыше 500 предметов - Туркестанскому народному музею ¹¹.

Впрочем, "предметы по археологии, не относящиеся к Туркестанскому краю, а также коллекции по этнографии" были переданы в этот музей бесплатно.

По свидетельству многих авторов, среди которых М.Е. Массон и Г.Н. Чабров, большая и лучшая часть коллекции была увезена им в Париж и, возможно, также в виде пожертвований осела в каких-либо французских музеях.

V

Но вернёмся к событиям 1914 г., когда на страницах местной прессы разгорелась бурная полемика по поводу деятельности Кастанье в качестве историка. После чего, ущемлённый в лучших чувствах, преподаватель французского языка в реальном училище несколько переориентирует свою деятельность.

Туркестанский отдел Императорского русского географического общества в то время сосредоточил своё внимание на вопросах этнографии, географии, геологии и сейсмологии, решение которых сулило в будущем ощутимую экономическую отдачу и должно было способствовать проведению более продуманной национальной политики на окраине Российской империи. Спелеология в этот круг входила отчасти, и Кастанье был практически единственным исследователем, занимающимся этой проблематикой. Но и в этой области его деятельность была подвергнута жёсткой критике.

М.Е. Массон писал: "И.А. Кастанье в последние годы усиленно рекламировал себя как археолога-спелеолога. В подтверждение он с разными вариантами всюду не без эффекта

---

¹⁰ Так, интересен следующий факт: в 1911 г. Ж.-А. Кастанье обратился в Оренбургскую учёную архивную комиссию с просьбой предоставить ему в личное пользование "без определённого срока возврата" обнаруженные им во время археологических раскопок в Уральской области четыре предмета, бывшие, по всей видимости, амулетами ахеменидского времени. Свою просьбу исследователь мотивировал тем, что "специально занимался амулетами и имеет уже свою небольшую их коллекцию". Сведений же о том, что эти предметы были возвращены в музей Оренбургской комиссии, обнаружить пока не удалось.

¹¹ В 1920 году.

а

рассказывал выдуманную им невероятную историю, как во время обследования одной бухарской пещеры, когда ему пришлось ползти на четвереньках по узкой тёмной галерее, вокруг его шеи вдруг неожиданно обвилась ядовитая очковая змея из семейства кобр и начала душить своими тисками. Находясь уже на краю гибели, он вспомнил, что в кармане брюк находится перочинный ножичек, вынул его, раскрыл и, почти задыхающийся, осторожно, чтобы не задеть себя, перерезал на своей шее по очереди одно за другим три обвившие её кольца туловища змеи, которая имела свыше двух метров длины и была толщиной в 10 сантиметров. Естественно, что при подыскании археолога для Канигутской экспедиции его кандидатура была выдвинута в первую очередь. Трусливый от природы, Кастанье, побаиваясь встречи в ферганских горах с орудовавшими там в то время басмачами, сумел уклониться от предложения под благовидным предлогом необходимости выезда в Самарканд для обследования состояния архитектурных памятников.

Здесь его версия о счастливом избавлении от смерти в подземных ходах бухарской пещеры не произвела ожидаемого впечатления. Ему были высказаны соображения, что ядовитые, в частности, очковые змеи никогда не обвивают кольцами своих жертв, а что проделывающие это неядовитые туркестанские змеи не достигают приводимых им размеров, да к тому же не обитают в горных пещерах. Это вызвало с его стороны в защиту вероятности рассказанного происшествия энергичную попытку оправдаться тем, что зоологами в Туркестане установлены ещё не все породы водящихся в крае змей и, в частности, тех, которые обитают в малодоступных и необследованных пещерах. Те не менее, бойкий француз после этого как-то сник ¹².

Судить об объективности этого отзыва, ставящего под сомнение спелеологические таланты Кастанье, сложно, ибо отношение М.Е. Массона к Ж.-А. Кастанье было более чем нелюбезным. Причиной тому, возможно, стало опубликование французским исследователем фотографии резной алебастровой панели, найденной в 1919 году на Афрасиабе и полученной от Массона "под честное слово без права публикации". Очевидно, он не мог простить Кастанье – и в том прав! – того, что многие ценные находки среднеазиатских древностей волею Кастанье, без чьего-либо разрешения, были увезены в Париж.

Пожалуй, только работа французского исследователя в качестве этнографа, кропотливо собиравшего народные предания, сказки, песни, фиксирующего сохранившиеся традиционные обряды и поведенческие установки, не подверглась учёной критике. И, несмотря на то, что не заслужила известности и высокой оценки в советской историографии, спустя десятилетия всё же обнаружила свою безусловную ценность.

VI

Казалось, не существует силы, которая была бы способна разлучить его с Центральной Азией. Но октябрьский переворот 1917 г. радикально изменил ситуацию...

После 1917 года Кастанье начинает сотрудничать с новой властью: преподаёт, входит, как и прежде, в наблюдательный комитет при Туркестанском народном музее и библиотеке, занимается составлением новых музейных коллекций, вплоть до роспуска ТКЛА и ТОИРГО состоит членом

---

¹² М.Е. Массон. "Падающий минарет", Т., 1968.

а

этих научных обществ и ведёт соответствующую работу. Но, остро переживающий самые незначительные случаи проявления человеческого вандализма по отношению к шедеврам архитектуры, сейчас он особенно болезненно реагирует на катастрофические темпы уничтожения памятников, буквально сметаемых революционным вихрем...

В одной только Бухаре многие медресе с энтузиазмом перестраивались то в гостиницу, то в профсоюзные клубы; мечеть Гаукушан переоборудовалась в театр; сносились купола над торговыми рядами в центре города; Бухарский исполком, нуждаясь в кирпиче, разобрал мечеть Паянд. Бывшие эмирские дворцы Ситора-и-Мохи-хоса и Кармана были отданы на откуп облздравотделу и военному ведомству; исторические названия бухарских ворот заменили новыми, по имени главных деятелей бухарской революции.

А в Коканде, в бывшем дворце Худояр-хана, наполовину разрушенном и загаженном, расквартировали обоз отряда особого назначения отдела ГПУ, при полном попустительстве и активном участии которого великолепный айван был разобран на дрова; деревянные двери, покрытые тончайшим кружевом резьбы и инкрустированные золотом, жестоко изрезаны, золото повыковырено, позолоченные ручки дверей вырваны, а расписной потолок снят для украшения другого здания...

Одно из красивейших зданий Ташкента – особняк князя А.А.Половцева – было поделено между читальней и детским театром-балаганом. На прибитых к резным изящным колоннам неотёсанных брусках сушили бельё вчерашние беспризорники – ученики училища им. Гаршина, расквартированного тут же. Старейшее кладбище Шейхантаур Ташкентское отделение Вакуфного управления собиралось переделать в спортивный комплекс – "для усиления пропаганды физкультуры".

Осознание безвозвратности подобных потерь подтолкнуло Жозефа Кастанье принять деятельное участие в организации охраны памятников, тем более, что опыт такого рода, полученный в Оренбурге, у него был.

Но дело осложнилось тем, что советская власть, смирившись с необходимостью использования старых "буржуазных спецов", не стала восстанавливать дореволюционные организации, каким был ТКЛА, и ориентироваться на международный опыт. Комиссия ВЦИК по делам Туркестана, в которую входили В.В.Куйбышев, Я.Э.Рудзутак, М.В.Фрунзе, М.З.Элиава, в 1920 году поручила своему уполномоченному Главному управляющему Центрального управления по архивным делам Д.И.Нечкину заново "организовать дело охраны памятников старины и искусства в Туркестане". Заместителем Нечкина и уполномоченным ЦУАРДЕЛа в Ташкенте стал Ж.-А.Кастанье.

В мае 1920 г. возглавляемая ими комиссия приступает к осмотру памятников искусства в Самарканде "для принятия мер к их охране". К тому времени здесь уже работала комиссия, организованная в 1918 г. для спасения давшего сильный крен восточного минарета медресе Улугбека, куда вошли В.Л.Вяткин, Б.Н.Кастальский и М.Ф.Мауэр, и созданная в 1919 г. комиссия по охране памятников старины под руководством художника О.К.Татевосяна. Выслушав отчёты, Д.И.Нечкин и Ж.-А.Кастанье приступили к осмотру памятников.

а

Главным результатом тщательной рекогносцировки, – а было осмотрено более 20 памятников, – стало утверждение решением Главногоуправляющего ЦУАРДЕЛа постоянной Самаркандской комиссии по охране и реставрации памятников природы и искусства, с которой на первых порах начинает сотрудничать и сам Кастанье.

Вместе с тем, многим было ясно, что необходимо создание самостоятельной государственной организации, наделённой всей полнотою власти в масштабе всего центральноазиатского региона. И такой организацией стал Туркестанский комитет по охране памятников природы, искусства и старины, учреждённый декретом Совнаркома Туркеспублики за №127 от 23.V—1921 года.

Но в Туркомстарисе, который, казалось бы, мог стать оптимальным полем для реализации кипучей энергии Кастанье и отвечал всем его научным устремлениям, тем более, что новая организация в качестве одного из магистральных направлений своей деятельности обозначила "составление археологической карты Центральной Азии", -- французскому учёному, однако, работать уже не пришлось.

В начале 20-х годов Кастанье вынужден был эмигрировать...

Истинные причины его отъезда неизвестны... Но, как пишет С.Маджи, первый биограф Ж.Кастанье, попытавшаяся дать позитивную оценку его деятельности в Туркестане, "...в 1918 г. ВЧК пыталась арестовать Кастанье по обвинению... в организации антисоветского заговора, но тот, будучи предупреждён, ...скрылся, затем опять вернулся в Ташкент и уехал вместе с военнопленными во Францию". Произошло это, судя по документам, в 1920 г.

Есть данные, что "...в 1917—1919 гг. (он) был связан с агентами английских шпионских комиссий, ...активно участвовал в борьбе с Советской властью, в связи с чем ушёл в подполье" ¹³, и что на Кастанье якобы "взложены официальные дипломатические полномочия как на представителя Франции в начальный период существования среднеазиатских республик" ¹⁴.

"Вероятно, -- пишет С.Маджи, -- на этом основании польский романист Б.Ясенский, также побывавший в Средней Азии и описавший события первых лет советской власти, упоминает о Кастанье как об агенте "Интеллидженс Сервис", активном участнике контрреволюционной организации" ¹⁵.

Подобный приём достаточно традиционен для советской литературы 30-х годов, когда статус иностранца приравнивался к положению потенциального врага. Оспаривать полностью отношение Кастанье к иностранной разведке было бы, по мнению Маджи, также преждевременно, ибо приводимые факты свидетельствуют о чрезвычайной близости его к деятельности антисоветских организаций.

"Большая часть членов антисоветской организации и все те, кто имел контакт с ней, -- писал Кастанье, -- были схвачены и расстреляны. Иностранцы подданные из группировки Антанты не спасали положения. Ордер на арест предъявили и мне; опередив бдительность, я имел время

¹³ А.Зевелёв, Ю.Поляков, Л.Шишкина. "Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов". М., 1986.

¹⁴ С.Маджи. "И.А.Кастанье как историк Средней Азии". А.Зевелёв. "Из истории гражданской войны в Узбекистане".

¹⁵ Б.Ясенский. "Человек меняет кожу". Роман. М., 1960.

а
укрыться. Английский майор Бейли и связной французский агент Капдевилль последовали моему примеру" ¹⁶.

Возможно, ключ к пониманию тайны пребывания Ж.-А.Кастанье в Туркестане находится в одном из департаментов Министерства иностранных дел Франции, в Париже, куда в 1920 или в 1921 г. тот уехал...

Увозя некоторые коллекции и первую археологическую карту Туркестана Жозеф-Антуан Кастанье, как оказалось, не смог увезти с собой и ощущение Азии, которое могло быть только здесь, в этой Азии. С явно ощутимой ностальгией он не раз возвращался в своих работах, письмах и воспоминаниях к ней и только к ней. Но она теперь была далека и недостижима.

*Материал предоставлен
Французским институтом по изучению
Центральной Азии (IFEAC).*

---

¹⁶ Цит. По С.Маджи.